

М. А. Холодилова
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ
(Россия, Санкт-Петербург)
hol_m@mail.ru

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ МЕСТОИМЕНИЯ *КОТОРЫЙ**

Русское относительное местоимение *который* в некоторых случаях используется в форме одушевленного аккузатива при вершинном существительном, которое в том же контексте маркировалось бы по неодушевленной модели. Как правило, такое различие по одушевленности наблюдается при вершинах, выраженных собирательными существительными мужского рода (*народ, этнос*) или существительными среднего рода с одушевленным референтом (*животное, чудовище*). Данное явление не может объясняться семантическим согласованием. Так, при собирательном существительном в исследуемых случаях наблюдается согласование по единственному числу, которое не соответствует количеству одушевленных референтов. Использование при вершинах среднего рода одушевленной формы аккузатива могло бы объясняться как семантическое согласование с полом референта по мужскому роду, однако такое согласование невозможно в формах, отличных от аккузатива, и допустимо при референтах женского пола. Одушевленное маркирование относительного местоимения при «менее одушевленной» вершине находит параллели в других славянских языках, в частности, в хорватском, где одушевленная форма аккузатива отмечается при неодушевленных вершинах мужского и среднего рода, вне зависимости от их семантики. Близкие свойства проявляют также некоторые другие местоимения русского языка, в особенности местоимение *один другого*, допускающее одушевленное маркирование в том же классе случаев, что и местоимение *который*. Рассматриваемые данные, по всей видимости, указывают на то, что относительное местоимение может занимать сравнительно высокую позицию

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00264, «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики».

на иерархии одушевленности, при этом, однако, более низкую, чем личные местоимения третьего лица. Высокая одушевленность относительного местоимения подтверждается данными о частотности одушевленных референтов и поведением местоимения в конструкции с внешним посессором.

Ключевые слова: релятивизация, относительное местоимение, одушевленность, русский язык, сербский язык, хорватский язык.

1. Введение

В большинстве случаев значение словоизменительной категории одушевленности местоимения *который* естественным образом выводимо из словоклассифицирующей одушевленности вершинного существительного. Так, в сочетании с одушевленным существительным мужского рода или множественного числа местоимение *который*, как правило, выступает в одушевленной форме аккузатива, совпадающей с генитивом (1), в сочетании с неодушевленным существительным мужского рода или множественного числа — в неодушевленной форме аккузатива, совпадающей с номинативом (2).

(1) *столяр, которого / *который я вижу*

(2) *стол, который / *которого я вижу*

При вариативной одушевленности у существительного та же вариативность наблюдается у относительного местоимения:

(3) *микроб, который / которого я вижу*

Эта закономерность, как правило, соблюдается как для форм единственного числа мужского рода, так и для форм множественного числа, вне зависимости от рода существительного, т. е. в тех же формах, в которых, как правило, реализуется противопоставление по одушевленности у существительных и прилагательных.

В то же время, в нескольких случаях местоимение *который* отличается по одушевленности от вершинного существительного. Такое отличие наблюдается по меньшей мере при трех типах вершин:

1) собирательные существительные мужского рода с референцией к множеству людей, например *народ* (раздел 2.1);

(4) *Спрашивается: где во всей этой истории кулак-злодей и где народ, которого кулак грабит?* [Г. И. Успенский. Равнение «Под-одно» (1882)] (НКРЯ¹)

2) существительное среднего рода с одушевленным референтом в единственном числе, например *животное* (раздел 2.2);

(5) *{...} ваши десять или пятнадцать рублей пойдут на питание животного, которого вы назовёте.* [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003] (НКРЯ)

¹ Национальный корпус русского языка, ruscorpora.ru.

3) существительное мужского рода с колебанием в одушевленности, тяготеющее к неодушевленному маркированию, такое как *зародыш* (раздел 2.3)².

(6) *В дальнем правом углу стоит банка, и в ней, в желто-зеленой воде, болтается штука, похожая на зародыш, которого нам показывали на естествознаниии.* (Яндекс)

Во всех этих случаях местоимение склонно к одушевленному маркированию в большей степени, чем вершинное существительное.

В разделе 2 приводятся основные наблюдаемые факты, в разделе 3 рассматриваются близкие явления в русском и других славянских языках и обсуждаются основные аналитические возможности.

2. Основные факты

2.1. Народ

Использование относительного местоимения в одушевленной форме встречается при различных собирательных существительных мужского рода, таких как *народ*, *этнос*, *свет*. Случаи использования в таких контекстах одушевленных форм местоимения отмечались в работах [Крысько 1994: 122; Грищенко 2011: 65]³.

Современные примеры с данной конструкцией фиксируются (7), однако сравнительно редки и, возможно, не в полной мере грамматичны.

(7) *Простой народ, которого волнует только быт, шуришит на кухнях и пляжах...* (Яндекс)

Значительно более частотны эти конструкции в более ранних текстах, см. данные по XVIII–XIX вв. в Таблице 1. Существенно, что на этом же промежутке времени само существительное *народ* в качестве одушевленного не использовалось или использовалось крайне редко. Различие между существительным *народ* и относящимся к нему местоимением *который* статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

---

² В текстах XIX в. фиксируются и некоторые другие случаи одушевленности относительного местоимения при неодушевленной вершине (i), однако они крайне редки и ниже рассматриваться не будут.

(i) *В его голове и сердце все было эдем, восторги, райские минуты, за которых не взял бы веков; все было я и оно!* [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)] (НКРЯ)

³ В [Крысько 1994] приводится пример, однако отсутствует подробное обсуждение данного явления. В [Грищенко 2011] не проводится различие между использованием в таких контекстах одушевленных форм местоимения единственного и множественного числа, по всей видимости, соответствующих различным языковым явлениям, см. раздел 3.1.

**Одушевленное маркирование слова *народ*
и относящегося к нему относительного местоимения (НКРЯ, 1701–1900)⁴**

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>народ, который / которого</i> (ACC)	8	26	0,2
<i>народ / народа</i> (ACC)	0	100	0,0

2.2. Животное

В случае с существительными единственного числа среднего рода обсуждение одушевленности требует следующей оговорки. Как правило, в русском языке грамматическое противопоставление по одушевленности у существительных среднего рода и согласованных с ними прилагательных проявляется только во множественном числе. Основываясь на этих данных, можно было бы сказать, например, что в среднем роде одушевленные и неодушевленные формы, как правило, морфологически не противопоставлены — и в таком случае можно было бы говорить, что относительное местоимение отличается от существительных и прилагательных в единственном числе не значением категории одушевленности, а его морфологической реализацией.

В то же время, данные о склонении относительного местоимения указывают на то, что это предположение не вполне точно. Так, в (8) в значительной мере допустимы две формы — как *который*, так и *которого*, — тогда как при существительном среднего рода с неодушевленным референтом форма *которого* невозможна (9). Таким образом, данное противопоставление связано с признаком одушевленности и при этом морфологически устроено так же, как обычное противопоставление по одушевленности: «более одушевленная» форма аккузатива совпадает с генитивом, менее одушевленная — с номинативом. При этом допустимость в примере (8) формы *которое* заставляет признать, что в аккузативе при одушевленном референте возможно использование формы, совпадающей с номинативом. Таким образом, не требуется дополнительных допущений, чтобы сказать, что существительные среднего рода и согласованные с ними прилагательные, как правило, выступают в единственном числе как неодушевленные, тогда как для относительного местоимения в этом контексте возможны и одушевленное, и неодушевленное маркирование⁵.

⁴ Здесь и далее при наличии большого количества примеров на некоторое явление в подсчетах используются, как правило, данные случайных выборок. В случае если количество примеров в одной из строк оказывается меньше, чем заранее определенный размер выборки, учитываются все эти примеры. Размер выборки для Таблицы 1 и 2 — 100 примеров, для Таблицы 3 — 20 примеров, для Таблицы 6 — 50 примеров.

⁵ Для существительных мужского рода с одушевленным референтом, склоняющихся по правилам для среднего рода, таких как *подмастерье*, *великанище*, возможна только одушевленная форма относительного местоимения:

(i) *подмастерье, которого* / *который я вижу

(8) *чудовище, которое / которого я вижу*

(9) *письмо, которое / *которого я вижу*

Одушевленные формы относительного местоимения возможны, по всей видимости, при всех существительных среднего рода с одушевленным антецедентом, т.е. при тех же существительных, которые проявляют грамматическое свойство одушевленности во множественном числе. Примерами могут служить слова *животное, млекопитающее, чудовище, существо, создание* и мн. др. Вариативность маркирования относительного местоимения при существительном *животное* была отмечена в [Русакова 2013: 253].

В [Ицкович 1980] приводятся случаи одушевленного маркирования самих существительных среднего рода в единственном числе. В то же время, такие примеры представляются менее грамматически приемлемыми. Как показывают данные Таблицы 2, они также более редки, различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 2

**Одушевленное маркирование слова *животное*
и соотносимого с ним относительного местоимения (Яндекс)**

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>животное, которое / которого (приручить)</i>	20	80	0,20
<i>(приручить) это животное / этого животного</i>	2	98	0,02

2.3. Зародыши

При существительных мужского рода, демонстрирующих вариативность по одушевленности, тенденция к одушевленному маркированию относительного местоимения является скорее количественной. Так, например, существительное *зародыши* редко выступает в одушевленной форме аккузатива (*зародыша*), тогда как соотносимое с этим словом относительное местоимение встречается в одушевленной форме сравнительно часто, см. данные в Таблице 3. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 3

**Одушевленное маркирование слова *зародыши*
и соотносимого с ним относительного местоимения (Яндекс)⁶**

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>зародыши, который / которого (АСС)</i>	13	7	0,7
<i>зародыши / зародыша</i>	1	19	0,1

⁶ В Таблице 3 приводятся данные по слову *зародыши* только в позиции прямого дополнения и только при референции к зародышам живых существ.

3. Интерпретация и параллели

3.1. Не семантическое согласование

Различие между относительным местоимением и вершиной по той или иной согласовательной категории часто может объясняться семантическим согласованием. Так, в (10) при вершине *народ* используется относительное местоимение в одушевленной форме множественного числа, которая, по всей видимости, соотносима с референтом существительного *народ*, который является множеством одушевленных объектов.

(10) *Где-то, примерно, чуть западнее центра Сибири, живет маленький народ, которых называют кетами, наверно слышали сто раз.* (Яндекс)⁷

Семантическое согласование в высокой степени характерно для относительных местоимений: в соответствии с иерархией согласования (11) относительные местоимения склонны к семантическому согласованию менее, чем личные местоимения, но более, чем атрибутивные зависимые и (глагольные) предикаты.

(11) Иерархия согласования [Corbett 2006: 207]
атрибутивное зависимое > предикат > **относительное местоимение** > личное местоимение

В то же время, обсуждаемые в настоящей статье явления, в особенности согласование с вершинами типа *народ* и *животное*, не могут рассматриваться в качестве семантического согласования.

В случае с существительным *народ* при семантическом согласовании естественно ожидать множественного числа местоимения, как в (10), при единственном же числе едва ли можно говорить о соотносительности формы местоимения с множеством людей.

В случае с существительными типа *животное* можно было бы предположить, что относительное местоимение отсылает к полу живого существа, демонстрируя таким образом семантическое согласование. В этом случае форму *которого* можно было бы трактовать как форму мужского рода. Однако такому анализу противоречат следующие факты. Во-первых, согласование по мужскому роду невозможно в других падежах, ср. (5) и (12). По всей видимости, нет причин ожидать, что семантическое согласование будет более характерно для аккумулятива, чем для остальных падежей.

(12) *...ваши десять или пятнадцать рублей пойдут на питание животного, которое / *который вам понравится.*

Во-вторых, форма *которого* встречается и при референтах женского пола, для которых при семантическом согласовании естественно было бы ожидать формы *которую* — в данном контексте неграмматичной (13).

(13) *Она [о собаке. — М.Х.] — единственное существо, которого не волнует, какую отметку принес мальчишка из школы!* (Яндекс)

⁷ Здесь и ниже сохраняется пунктуация оригинала.

3.2. Параллели: относительные местоимения в других славянских языках

Явления, во многом близкие к рассматриваемым, отмечаются в некоторых южнославянских языках, см. прежде всего [van Tilburg 1988].

В хорватском и сербском языках относительное местоимение *koji* может стоять в «одушевленной» форме при вершинах мужского и среднего рода, вне зависимости от их одушевленности⁸ [van Tilburg 1988; Kordić 1993, 1995; Stefanović 2000: 146–163].

(14) ХОРВАТСКИЙ [Franks 2013: 75, глоссы мои. — М. Х.]

stol kojega / *koji*
стол который.ACC.SG.M.ANIM который.ACC.SG.M.INAN
sam prevrnuo
быть.PRS.1SG перевернуть. PTCP.PST
'стол, который я перевернул...'

В словенском языке, согласно [Franks 2013], относительное местоимение (как и прилагательное при эллипсисе) обязательно выступает в одушевленной форме при существительных мужского рода, факультативно — при существительных среднего рода.

(15) СЛОВЕНСКИЙ [Franks 2013: 57, глоссы мои. — М. Х.]

princip v katerega / **kateri* *verjamem...*
принцип в который.ACC.SG.M.ANIM который.ACC.SG.M.INAN верю
'принцип, в который я верю'

Некоторые близкие примеры отмечаются и для старославянского [van Tilburg 1988: 575].

По всей видимости, близко к русскому ведут себя другие восточнославянские языки, ср. белорусский (16) и украинский (17) примеры с одушевленным маркированием местоимения при вершине среднего рода.

(16) БЕЛОРУССКИЙ

Гадавалася малое парасё, якога вырашылі
готовилось маленькое поросенок(Н) который.ACC.SG.N.ANIM решили
прырэзаць з нагоды госьця.
прирезать по.случаю гостя
'Готовился маленький поросенок, которого решили зарезать из-за гостя'.
[В. Быкаў. Пункціры жыцця] (Беларускі N-корпус⁹)

(17) УКРАИНСКИЙ

...крихітне порося, якого звали П'ятачок
крохотное поросенок(Н) который.ACC.SG.N.ANIM звали Пятачок

⁸ Как отмечается в [van Tilburg 1988; Kordić 1993, 1995], такие примеры противоречат многим нормативным описаниям, однако крайне широко распространены как в диалектах, так и в литературном языке.

⁹ <http://bnkorporus.info>.

‘...крошечный поросенок, которого звали Пятачок’ [Борис Заходер, переказ повісті А. А. Мілна. Вінні-Пух та всі-всі-всі (А. Костецький, 2004)] (НКРЯ, параллельный корпус)

Может показаться, что рассматриваемые явления в южнославянских и восточнославянских языках имеют разную природу. Так, в восточнославянских языках одушевленное маркирование очевидно семантически мотивировано и ограничено сравнительно небольшим классом лексем, тогда как в отмеченных случаях в сербском, хорватском и словенском одушевленное маркирование возможно при всех вершинах мужского рода или, по крайней мере, при значительно более широком классе существительных.

Оказывается, однако, что и в хорватском языке для выбора маркирования местоимения имеет значение семантика вершины. Так, при вершине *narod* ‘народ’ одушевленное маркирование относительного местоимения встречается чаще, чем при вершине *dom* ‘дом’, см. данные в Таблице 4¹⁰. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$).

Таблица 4

Связь одушевленного и неодушевленного маркирования *koji* ‘который’ в хорватском языке с семантикой антецедента (Intercorp)

	<i>kojeg / kojega</i> (который.acc.sg.m.anim)	<i>koi</i> (который.acc. sg.m.inan)	доля <i>kojeg / kojega</i>
<i>narod</i> ‘народ’	4	6	0,4
<i>dom</i> ‘дом’	2	22	0,1

Еще одним общим фактором, имеющим значение как для хорватской и словенской, так и для русской системы морфологического оформления относительных местоимений, является род. В русском языке маркирование относительного местоимения, реферирующего к очевидно одушевленным объектам, зависит от рода: в мужском роде одушевленная форма аккузатива обязательна, а в среднем необязательна и сравнительно редка. По всей видимости, влияет род и на маркирование относительного местоимения при собирательном существительном: если при существительном мужского рода *narod* одушевленная форма фиксируется в XVIII–XIX вв. сравнительно часто, то при существительном среднего рода *общество* такие примеры более редки или не существуют, см. данные в Таблице 5. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

В словенском языке, как указывалось выше, одушевленное маркирование относительного местоимения обязательно при мужском роде и факультативно при среднем роде вершины [Franks 2013]. Для хорватского отмечается, что одушевленное маркирование предпочтительней при вершине мужского рода [van Tilburg 1988], что подтверждается количественными данными в Таблице 6. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

¹⁰ В [Stefanović 2000: 150] отмечается, однако не доказывается количественно склонность к одушевленному маркированию относительного местоимения при существительных, обозначающих группы людей.

Одушевленное маркирование слова *народ* и относящегося к нему относительного местоимения (НКРЯ, 1701–1900)

	одушевленное маркирование	неодушевленное маркирование	доля одушевленного маркирования
<i>народ, который / которого</i> (асс)	8	26	0,2
<i>общество, которое / которого</i> (асс)	0	29	0,0

Таблица 6

Связь одушевленного и неодушевленного маркирование *koji* ‘который’ в хорватском с родом антецедента (Хорватский национальный корпус)¹¹

	<i>kojeg / kojega</i> (который. ACC.ANIM)	<i>koji</i> (который. ACC.M.INAN) или <i>koje</i> (который. ACC.N.INAN)	доля <i>kojeg / kojega</i>
мужской род	15	35	0,3
средний род	2	48	0,0

3.3. Параллели: другие местоимения русского языка

Как неоднократно отмечалось, личные местоимения *он* и *оно* морфологически маркируются по одушевленной модели, вне зависимости от одушевленности референта, см., например, [Корбетт 1985]¹². То же верно для местоимений *себя* и *друг друга* [Евтюхин 2005: 114], ср. следующие примеры:

(18) *Существительное, впрочем, включает в себя часто и эпитет.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)] (НКРЯ)

(19) *Формы переправы сливаются, ассимилируются, переходят друг в друга.* [В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)] (НКРЯ)

Наиболее близко по маркированию одушевленности к местоимению *который* местоимение *один другого*. В обычном случае при неодушевленной вершине для него также возможно только неодушевленное маркирование (20)–(21).

(20) *И оба впечатления смешивались и усиливали одно другое.* [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)] (НКРЯ)

(21) *Оба впечатления смешивались и усиливали одно другого.*

Однако в тех же двух классах случаев — при собирательном существительном мужского рода (22) и при существительном единственного числа среднего рода

¹¹ <http://www.hnk.ffzg.hr/cnc.htm>.

¹² В настоящей статье я не обсуждаю подробно более сложный вопрос о синтаксической одушевленности личных местоимений, о которой см. [Блажев 1962; Корбетт 1985; Холодилова 2013: 60–62]. Случаи одушевленного согласования с личным местоимением при неодушевленном референте встречаются (i), однако более обычно неодушевленное согласование, как в (ii).

(i) *Чрезвычайно соблазнял первый: кинуться на эти лампы и замысловатые вещицы, и всех их к чёртовой бабушке перебить и таким образом выразить свой протест за то, что он задержан зря.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть I (1929–1940)] (НКРЯ)

(ii) *Дома я делала записи, он все их потом читал.* [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)] (НКРЯ)

с референцией к одушевленному объекту (23) — возможно и одушевленное маркирование.

(22) *Классы могут лишь подчинять один другого.* [С.М. Эйзенштейн. Интернациональный театр (1928)] (НКРЯ)

(23) *Вьючные животные бестолково дергают одно другого...* (Яндекс)

Таким образом, маркирование одушевленности у местоимений в единственном числе образует систему, представленную в Таблице 7.

Таблица 7

Морфологическое маркирование аккузатива, совпадающее с генитивом и не совпадающее с номинативом, у местоимений в единственном числе

	антецедент	обязательно	окказионально	никогда
мужской род	собираательные с референцией к лицам	<i>он, себя, друг друга</i>	<i>который, один другой</i>	
	прочее	<i>он, себя, друг друга</i>		<i>который, один другой</i>
средний род	одушевленный референт	<i>оно</i>	<i>который, один другой</i>	<i>всё, это, то, многое, что, что-нибудь...</i>
	прочее	<i>оно</i>		<i>который, один другой, всё, это, то, многое, что, что-нибудь...</i>

3.4. Иерархия одушевленности

Предположительно, свойства местоимения *который*, отличающие его от существительных, хотя бы частично объяснимы иерархией одушевленности, восходящей к [Silverstein 1976], ср., например, следующее ее представление:

(24) «расширенная иерархия одушевленности» в версии [Croft 1990]

Лицо: первое, второе < третье

Тип референции: местоимение < имя собственное < имя нарицательное

Одушевленность: лицо < одушевленное < неодушевленное

Как видно из иерархии, для местоимений ожидается, что по своим свойствам они могут оказываться «более одушевленными», чем существительные.

При обсуждении иерархии одушевленности, в частности в самой работе [Silverstein 1976], из местоимений, как правило, рассматриваются только личные. Данные настоящего исследования позволяют предположить, что приведенная иерархия релевантна и для относительных местоимений. Для южнославянских (прежде всего, хорватских и сербских) данных сходное объяснение предлагалось в [van Tilburg 1988; Kordić 1995].

Важно отметить, что во всех обсуждавшихся случаях относительное местоимение по свойствам приближается к личным, однако оказывается «менее одушевленным»: как для русского, так и для хорватского и словенского существуют контексты, в которых одушевленное маркирование личного местоимения обязательно, тогда как для относительного местоимения оно факультативно или невозможно.

Связь личных местоимений и местоимения *который* с одушевленностью подтверждается их частотными характеристиками и синтаксическими свойствами.

Для личных местоимений отмечалось, что они реферируют к одушевленным объектам чаще, чем существительные [Макарова, Сай 2007]. Как видно из Таблицы 8, то же верно для местоимения *который*.

Таблица 8

Грамматическая одушевленность существительных и местоимения *который* в аккумулятиве мужского рода, единственного числа (НКРЯ, снятая омонимия)

	одушевленные	неодушевленные	доля одушевленных
<i>который</i>	503	860	0,4
существительные	22 918	80 803	0,2

На сходство местоимений с одушевленными существительными указывает также их поведение в конструкции с внешним посессором.

В русском языке вступают в конкуренцию внешний посессор в дативе и внешний посессор, выраженный предложной группой с предлогом *у*. Как известно, одним из факторов, влияющих на распределение этих стратегий является одушевленность: при неодушевленном посессоре конструкция с дательным падежом, как в примере (25), почти невозможна и предпочитается конструкция с предлогом *у* (26) [Леонтьев 2008: 105]. Недопустимость дативного оформления неодушевленного посессора соответствует и общей тенденции в языках Европы [Haspelmath 1999: 113–114].

(25) *Но они уже увлеклись другим, отбили бутылке горлышко и кидали туда с расстояния в пять шагов маленькие гловые шишки.* (Яндексе)

(26) *Если ты отбиваешь у бутылки горлышко — это не «открыл», а «разбил».* (Яндексе)

В то же время, с местоимениями (как личными, так и с относительным местоимением *который*) дативный посессор, как в (27), оказывается сравнительно частотен, см. данные в Таблице 9. Различие между существительным *бутылка* и местоимением *она* в близком контексте, а также между существительными и местоимением *который* (в формах женского рода) статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$).

(27) *«Стакан» представляет собой половину бутылки из-под шампанского, которой отбивают горлышко...* (Яндексе)

Таблица 9

Частотность двух различных конструкций с внешним посессором в зависимости от способа выражения посессора (Яндексе)

	<i>отбить X-у горлышко</i>	<i>отбить у X-а горлышко</i>	доля датива
<i>бутылка</i>	6	38	0,1
<i>которая</i>	5	7	0,4
<i>она</i>	27	32	0,5

4. Выводы

1. Рассмотренные данные позволяют с уверенностью утверждать, что в современном русском языке существует форма одушевленного аккузатива среднего рода единственного числа, сравнительно часто фиксируемая для местоимений *который* и *один другого*.

2. Русские данные, а также данные других славянских языков, позволяют предположить, что относительное местоимение занимает высокое положение на иерархии одушевленности, уступая, однако, личным местоимениям третьего лица.

Литература

Блажев Б. Случаи трансформирования форм одушевленности у некоторых определительных местоимений и числительных в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1962. №3. С. 29–34.

Грищенко А. А. Ономастический статус этнонимов и категория одушевленности / неодушевленности // Русский язык в школе. 2011. №9. С. 61–67.

Евтюхин В. Б. Грамматика местоимений // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей к 155-летию кафедры русского языка (1849–2004) / ред. П. А. Клубков. СПб., 2005. С. 113–119.

Ицкович В. А. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания. 1980. №4. С. 84–96.

Корбетт Г. Одушевленность в русском и других славянских языках: пример расхождения между синтаксисом и семантикой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика / ред. Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик. М., 1985. С. 388–406.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Леонтьев А. П. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором: дисс. ... канд. филол. наук / МГУ, 2008.

Макарова А. Б., Сай С. С. Взаимодействие некоторых характеристик русских именных групп (статистический аспект) // Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы / ред. Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай. СПб., 2007. С. 119–124.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.

Холодилова М. А. Позиционные свойства местоимений в русском языке. Магистерская работа, СПб., СПбГУ, 2013.

Corbett G. G. Agreement. Cambridge, 2006.

Croft W. Typology and universals. Cambridge, 1990.

Franks S. Orphans, doubling, coordination, and phases: On nominal structure in Slovenian // Slovenski jezik. 2013. №9. P. 55–92.

Haspelmath M. External possession in a European areal perspective // External Possession / ed. by D. L. Payne, I. Barshi. Amsterdam — Philadelphia, 1999. P. 109–136.

Kordić S. Genitiv / Akkusativ-Synkretismus beim kroatisch-serbischen Relativpronomen // Zeitschrift für Slawistik. 1995. №40 (2). S. 202–213.

Kordić S. *Koji i kojega* // Jezik. 1993. №40. S. 103–108.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / ed. by R. M. W. Dixon. New Jersey, 1976. P. 112–171.

Stefanovic M. The category of animacy: A semantic feature hierarchy? PhD Thesis, University of Toronto, 2000.

Van Tilburg J. Inanimate genitive-accusatives in Serbo-Croatian (especially in adnominal relative clauses) // Studies in Slavic and General Linguistics. 1988. №11. P. 535–620.

Maria A. Kholodilova
Institute for Linguistic Studies, RAS
National Research University
Higher School of Economics (HSE)
(Russia, Saint Petersburg)
hol_m@mail.ru

THE ANIMATE ACCUSATIVE FORM OF THE PRONOUN *KOTORYJ* ‘WHICH’

The Russian relative pronoun *kotoryj* ‘which’ sometimes appears in the animate accusative form, even though the head noun would receive the inanimate morphological marking in the same context. This kind of animacy mismatch is observed in relative clauses headed by masculine collective nouns with reference to people, such as *narod* ‘nation’, and neuter nouns with reference to animates, such as *životnoe* ‘animal’. This phenomenon cannot be subsumed under the notion of semantic agreement. The expected semantic agreement pattern with collective nouns implies plural animate forms, while the examples in question include singular forms. The animate accusative form after neuter nouns could be treated as a masculine form corresponding to a masculine referent, however this kind of semantic agreement is ungrammatical in non-accusative forms, and the masculine forms are used even if the referent is feminine. This animacy mismatch in Russian is closely paralleled by the better studied data of other Slavic languages, especially Croatian, where the relative pronoun can take animate marking after masculine or neuter nouns, irrespective of their semantics. Another parallel is provided by other Russian pronouns, especially the reciprocal pronoun *odin drugogo* ‘one another’, which receives animate marking in the same range of contexts as the relative pronoun *kotoryj* ‘which’. The data suggests that relative pronouns are higher on the animacy hierarchy than nouns, but lower than personal pronouns.

Keywords: relativization, relative pronoun, Russian, Serbian, Croatian.

References

Blazhev B. Sluchai transformirovaniya form odushevlenosti u nekotorykh opredelitel'nykh mestoimenii i chislitel'nykh v russkom yazyke. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*, 1962, no. 3, pp. 29–34.

Corbett G. Odushevlenost' v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh: primer raskhozhdeniya mezhdru sintaksisom i simantikoi. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Issue 15. *Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. Moscow, 1985, pp. 388–406.

Corbett G. G. *Agreement*. Cambridge, 2006.

Croft W. *Typology and universals*. Cambridge, 1990.

Evyukhin V. B. Grammatika mestoimenii. *Mysli o russkom yazyke: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Sbornik statei k 155 letiyu kafedry russkogo yazyka (1849–2004)*. St. Petersburg, 2005, pp. 113–119.

Franks S. Orphans, doubling, coordination, and phases: On nominal structure in Slovenian. *Slovenski jezik*, 2013, no. 9, pp. 55–92.

Grishchenko A. A. Onomasticheskiy status etnonimov i kategoriya odushevlenosti/neodushevlenosti. *Russkii yazyk v shkole*, 2011, no. 9, pp. 61–67.

Haspelmath M. External possession in a European areal perspective. *External Possession*. Amsterdam — Philadelphia, 1999, pp. 109–136.

Itskovich V. A. Sushchestvitel'nye odushevlenye i neodushevlenye v sovremenном russkom yazyke (norma i tendentsiya). *Voprosy yazykoznaniiya*, 1980, no. 4, pp. 84–96.

Kholodilova M. A. *Pozitsionnye svoistva mestoimenii v russkom yazyke*. MA. St. Petersburg, 2013.

Kordić S. Genitiv / Akkusativ-Synkretismus beim kroatisch-serbischen Relativpronomen. *Zeitschrift für Slawistik*, 1995, no. 40 (2), pp. 202–213.

Kordić S. *Koji i kojega. Jezik*, 1993, no. 40, pp. 103–108.

Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka*. Moscow, 1994.

Leont'ev A. P. *Formal'nyi analiz atributivnykh imennykh grupp v perspektive konstruktivnoy s vneshnim possessorom*. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2008.

Makarova A. B., Say S. S. Vzaimodeistvie nekotorykh kharakteristik russkikh imennykh grupp (statisticheskii aspekt). *Chetvertaya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Materialy*. St. Petersburg, 2007, pp. 119–124.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka*. Moscow, 2013.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages*. New Jersey, 1976, pp. 112–171.

Stefanovic M. *The category of animacy: A semantic feature hierarchy?* PhD Thesis, University of Toronto, 2000.

Van Tilburg J. Inanimate genitive-accusatives in Serbo-Croatian (especially in adnominal relative clauses). *Studies in Slavic and General Linguistics*, 1988, no. 11, pp. 535–620.